Автор: Оргкомитет
22.05.2014 19:55

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "3-го открытого Чемпионата Балтии по русской поэзии - 2014" членом Жюри финала конкурса. Лучшие 10 стихотворений Чемпионата будут объявлены Оргкомитетом 6 июня 2014 года.

1 место

АКИМОВ Геннадий, Курск (Россия)

Солнце со льдом

Я не то что устал за лето, но тихонько схожу с ума.
Пробивает висок кастетом разухабистая зима.
Обдерёт, сатана, как липку, скинет с кручи в глухой овраг,
И поскачет, ликуя хрипло, с буерака на буерак.

Рыбий мех - неплохая штука, но не рвите губу крючком.
Голосит ледяная щука да кресты кладёт плавником.
Гул буранов и барабанов, треск морозовки на меду...
Собираю скупую манну, свежевыпавший пост блюду.

Ах, любимая, разреши мне стать узорышком на стекле.
Мы - красивые и смешные, мы последние на земле
Психотехники в красных робах, маячки аномальных зон,
Те, кто ищет грибы в сугробах, твёрдо веря: пришёл сезон.

Солнце спустится ниже, ближе, светлой долькой нырнёт в стакан.

Мы пойдём на летучих лыжах через Северный океан,
Где вмерзают киты в торосы, где у неба горят края,
Два диковинных альбатроса, льдинки беглые - ты и я...

2 место

ШЕРБ Михаэль, Дортмунд (Германия)

Возрождение

Сотворенный из света спускался во тьму,
Лечь на влажные листья и травы.
И река распахнула навстречу ему
Оба берега – левый и правый.

Он сошел в камыши, словно в жаркую рожь,
На лишайники, в мягкие лапы,
Под прозрачную воду, где нежную дрожь
Выдыхают надменные карпы.

Где молока густых облаков и икра
Мелких звезд, и туманные тени
Истекают росою в истоме песка,
Ноют птичьей поилкой в коленях.

Сотворенный касался плодов и корней,
Тонких веток и сладостных клубней.
Несмолкаемый стон комариный звенел
В паутинах каштановой лютни.

И шумел водопад, словно сдавленный смех
Из речного зажатого горла.
Сотворенный из света карабкался вверх
Изнутри, опираясь на рёбра.

3 место

ГЕРАСИМОВА Александра, Томск (Россия)

И бог и боль...

и бог и боль
и боль и бог и боль
и больше ничего
ни слова даже
молчи глаголь

глаголь молчи глаголь
и пачкайся в черноязыкой саже

ступай себе за мыслимый порог
теряй себя в блуждающем трамвае
и боль и бог
и бог и боль и бог
а больше ничего и не бывает

4 место

КРАЙТМАН Семен, Герцлия (Израиль)

О мой печальный, добрый брат...

о мой печальный, добрый брат...
дрожащей медью тёк закат,
как дОлжно им, без всякой цели,
звенели птичьи голоса,
спала река, ползла оса,
на золотом крыльце сидели
портной, сапожник, брадобрей... -
все ангелы Царя Царей,
его команда удалая.
в туманные пределы рая
вилась дорога и по ней,
мы шли, умерших матерей
своих,
черты приобретая.
как в старом фотоателье -

"Рубинчик, Штильман и Лурье" -
в закатном, тёмно-красном свете
мы возникали на пустом
листе и те,
на золотом
крыльце, кричали нам: - вы кто?
и мы не знали, что ответить.

5 место

МАРКИНА Анна, Климовск (Россия)

Я жила в каморке...

Я жила в каморке. Тополя шелестели сладко.

А в каморке не было пола и некуда было сесть.
И в виду отсутствия мест для любой посадки
всем гостям приходилось в воздухе повисеть.

Приходил отец, летал и рыдал обильно,
жарил рыбу и сверху слезами, слезами капал...
Извинялся, - мол, не очень тебя любил, но...
но зато, как ловко пожарил карпа!

Приходила мать. Кто поймет ее, кто поймет?
Проходяща мать, как дождь за твоим окном.
Говорит, улетаю к солнцу я собирать там мед,
uоворит, что солнце красиво опылено.

Забегал дружбан, перепачкан, смешон, сутул,
загребал в воздушных волнах руками пьяными,
щелкал семечки, убеждал прикупить хоть стул,
мол, итак полжизни в пролетающем состоянии.

Я пошла в Икею, выбрала табурет,
отдала всего четыреста пятьдесят рублей,
прихожу, смотрю, а друга уже и нет,
прихожу, смотрю – ни мамы, ни папы нет,
только пух набежал с уличных тополей.

6 место

ВЕРЕСК Родион, Люберцы (Россия)

Выйди на свет из яранги...

Выйди на свет из яранги, на серый расплывчатый свет.
Мхи под ногами темны, и земля ещё холодна.
Выйди, пощурься, зевни, потянись ото сна,
Встреть ожидающий взгляд из-под оленьих век.
Встреть своё отражение в плещущейся воде.
Вот она - жизнь вокруг, хоть и невысока трава.
Темноглазый детёныш - мохнатая голова -
Смотрит на горизонт, в наступающий день.
Иди по ветреной стылой земле, ощути
То, что осталось за пазухой, в невыплеснутом тепле:
Бежевые занавески, конфетница на столе,
Встрепенувшийся полдень таинственен, жёлт и тих.
Лето Господне - высохшие камыши,
Давящий горло кашель, солнечные круги.
Булькающая кастрюля, бабушкины шаги.

"Это не больно: наклонись - и дыши, дыши..."

7 место

КОСТЮКОВА Евгения, Фрязино (Россия)

деревья заходят в храм...

деревья заходят в храм, царапая пол корнями.
и, осмотревшись там, гасят ветвями пламя
свечки, что псалмоплёт (сторож) поставил ночью
за упокой дочки, которая не живёт,
по мнению старика. он шамкает: "справедливо
ей было бы – в облака", шмурыгая носом-сливой,
"дуняша – грехов полна. погибло бы лучше тело.
овсянка на ферме пела, когда родилась она,
так пела, что я не мог работать. ходил кругами,
не слыша жены немой мычание... память-память".
безумец тянул, тянул господнее "справедли-и-иво"
и храм представлялся нивой, и ветер, как раньше, дул,
деревья, его обняв, баюкали, что младенца.
"прости дурака, дуняш, совсем почернело сердце!
прости, приезжай домой, оставь чужину шри-ланки,
когда запоёт овсянка по-новому надо мной".

8 место

ПОПОВА Наталья, Королев (Россия)

Чертополох

Проносишь воду мимо рек,
а слово - мимо рта.
И произносишь: человек,
как жизнь моя пуста.
Чертополох, чертополох,
проталины кругом.
И в горле душном тяжело
который год.

Который год - глухой порог,
и чернота в углах.
В лес за руки приводит Бог,
раскручивает страх.
Зажмурившись, на ощупь, вглубь,
вприсядку, набекрень

Непроходимый шепот губ
в немилый день.

Испепели, испепели
и тонкое упрочь.
Перенести меня вели
совсем в иную ночь.
Где осторожно за душой
таится птичий крик.
Где Бог не страшный,
не большой,
и не старик.

9 место

СКОРЕНКО Тим, Москва (Россия)

История X

Завтра война доберётся до нас, мой хороший. Завтра, мой мальчик, объявят о том, что грядёт. Так что прости, но отныне я буду чуть строже, чуть беспокойнее, чуть истеричнее, может, это поможет, избавит, спасёт от невзгод. Выключи радио, звук начинает вгрызаться в мякоть диванную, в старый настенный палас, в фотообои, в настенную карту Эльзаса — так, что уже через час начинает казаться, будто немецкие танки въезжают в Эльзас.

Всё, как обычно, — по радио утром сказали — люди стреляют друг в друга без всяких причин. Вот тебе франк на кино. В затемнившемся зале просто смотри, как Астер подпространство взрезает. Просто смотри, как танцует Астер, и молчи.

Будет война номер два, номер три, номер десять. Будут война за войной пожирать этот век. Тысяча жертв каждый час, каждый день, каждый месяц; даже на Бога такую вину не повесить, пусть она — просто случайный побочный эффект. Будет война в азиатских промасленных джунглях, будет война в раскалённых песчаных морях, медь заржавеет, листы броневые пожухнут, время закончится чем-то бессмысленно жутким, холодом вечной зимы, тишиной декабря.

Солнце скрывается. Вечер склоняется к ночи. Радио давится шумом серийных помех. Вот тебе франк — заскочи за багетом, а впрочем, просто смотри, как Астер залихватски хохочет. Просто смотри и с собой захвати этот смех.

Льются из медных тромбонов свинцовые струи,
выглядит мутным экран из-под влажных очков.
Джинджер танцует, ритмично паркет полируя,
Джинджер взлетает под ритм пулемётных щелчков.
Душит зенитная музыка гамбургских башен,

рёв самолётный дерёт на волокна струну.
Фред безупречен, безумен, бесстрастен, бесстрашен,
каждым наигранным па отрицая войну.

Цокот чечётки. Усталость во взгляде тирана.
Круг на крыле. Опалённый пожаром рассвет.
Нет ничего за пределами киноэкрана.
Есть только Фред. Не забудь — только Джинджер и Фред.
Нет ничего.
Смерти нет.
Смерти нет.
Смерти нет.

10 место

АИНОВА Татьяна, Киев (Украина)

Ручные бабочки

Однажды всё, во что не верили вчера мы,
соткут закатные светящиеся нити.
Такими ласковыми недовечерами
дневные бабочки становятся ручными
и сами просятся: возьмите нас, возьмите!

Они садятся нам на головы, на плечи,
но тут же вспархивают – если ты не замер.
Ты не торопишься? протягивай навстречу
ладонь и жди – как будто вечны и прочны мы,
дневные киборги с цветочными глазами.

Кому доверчиво распахивает крылья
в ладони бабочка – не то чтобы элита,
но вне деления на первые-вторые-
трёхмиллиардные... она скрывает имя?
Откроешь книгу и узнаешь: Нимфа Лида.

Смотри, смотри, её бесстыдством ошарашен!
Когда узор твоих кошмарных сновидений
вдруг предъявляется прекрасным и нестрашным,
и все мгновенные детали различимы,
невольно вздумается:
смеет ли нигде не
существовать первопрообраз? В поколеньях
столь безупречно повторение канона,
что, может, карты непредсказанных вселенных

на этих крылышках? Нет, лучше промолчим и
отпустим мысли вслед за Нимфой.
Всё равно нам
теперь томиться непроявленностью чуда,
его затерянностью в городе и доме,
плывущих мимо неба звёздного – покуда
ночные бабочки останутся ночными,
неприлетевшими на свет твоих ладоней.